

Супружеская чета. Франц Кафка

Общее положение дел столь скверно, что иногда, выкраивая время, в конторе я сам беру сумку с образцами, чтобы лично навестить заказчиков. Среди прочего я уже давно собирался сходить к Н., с кем прежде находился в постоянной деловой связи, которая, однако, за последний год по неведомым мне причинам почти распалась. Для таких преткновений вовсе и не нужно существенных причин; при нынешних неустойчивых обстоятельствах дело часто решает какой-нибудь пустяк, чье-то настроение, и точно так же какой-нибудь пустяк, какое-то слово может все привести снова в порядок. Но проникнуть к Н. не совсем просто; он старый человек, в последнее время сильно прихварывает и, хотя он еще держит в своих руках все дела, сам в конторе почти не бывает; чтобы поговорить с ним, надо сходить к нему домой, а такой деловой поход стараешься отложить.

Но вчера вечером после шести я все-таки отправился в путь; время было, правда, не гостевое, но ведь смотреть на дело следовало не со светской, а с коммерческой стороны. Мне повезло. Н. был дома, он только что, как мне сказали в прихожей, вернулся с женой с прогулки и сейчас находился в комнате своего сына, который был нездоров и лежал в постели. Меня пригласили тоже пройти туда; сперва я заколебался, но потом желание поскорее закончить неприятный визит победило, и меня, в том виде, в каком я был, в пальто, шляпе и с сумкой с образцами в руке, провели через какую-то темную комнату в тускло освещенную, где собралась небольшая компания.

Инстинктивно, по-видимому, взгляд мой упал сперва на одного слишком хорошо мне знакомого агента торговой фирмы, который отчасти мой конкурент. Он уселся у самой постели больного, так, словно был врачом; могущественно восседал он в своем красивом, распахнутом, вспучившемся пальто; его нахальство бесподобно; что-то похожее думал, возможно, и больной, который, лежа с лихорадочным румянцем на щеках, на него иногда поглядывал. Он, кстати сказать, не так молод, сын Н., это человек моего возраста с короткой окладистой бородой, несколько неухоженной из-за болезни. Старик Н., рослый, широкоплечий, но из-за своего изнуряющего недуга изрядно, к моему удивлению, похудевший, согнувшийся и потерявший уверенность, еще стоял, как вошел, в шубе и что-то бормотал сыну. Жена его, маленькая и хрупкая, но крайне деятельная, хотя лишь постольку, поскольку это касалось его, — нас она почти не замечала — была занята сниманием с него шубы, что вследствие разницы в их росте доставляло некоторые затруднения, но в конце концов удалось. Может быть, впрочем, действительное затруднение состояло в том, что Н. был очень нетерпелив и все время беспокойно искал руками кресло, каковое жена, когда сняла с него шубу, быстро придвинула. Сама же взяла шубу, под которой почти скрылась, и унесла ее.

Теперь наконец, показалось мне, пришло мое время, вернее, не пришло и никогда, наверное, здесь не придет; если я вообще хотел еще что-то попробовать сделать, это должно было случиться сейчас, ибо я чувствовал, что условия для деловых переговоров могут здесь только ухудшаться и ухудшаться; а усаживаться здесь навсегда, как намеревался, по-видимому, поступить этот агент, было не в моем вкусе; с ним, кстати сказать, я совершенно не собирался считаться. Поэтому я сразу стал излагать свое дело, хоть и видел, что Н. хотелось сейчас поговорить с сыном. К сожалению, у меня есть привычка, когда я, говоря что-нибудь, разволнуюсь, — а это случилось очень скоро и случилось в этой комнате больного раньше обычного, — вставать с места и во время речи прохаживаться по комнате. Как ни удобна такая манера в собственной конторе, в чужой квартире это все же немного обременительно. Ноя не мог совладать с собой, особенно без привычной папиросы. Что ж, у каждого свои дурные привычки, мои еще достохвальны по сравнению с привычками этого агента. Что можно сказать, например, по поводу того, что свою шляпу, которую держит на колене и медленно передвигает там взад-вперед, он иногда вдруг, совершенно неожиданно, надевает на голову? Он, правда, тут же снимает ее, словно это случилось нечаянно, но все-таки какое-то мгновение она находится у него на голове, и время от времени он повторяет это снова и снова. Такое поведение, право же, можно назвать nepозволительным. Мне-то это не мешает, я прохаживаюсь, я целиком поглощен своими делами и не замечаю его, но ведь, наверно, есть люди, которых этот фокус со шляпой может совершенно вывести из себя. Впрочем, разгорячившись, я не обращаю внимания не только на эту помеху, но и вообще ни на кого, я, правда, вижу, что происходит, но, пока не кончил или пока не слышу прямо-таки возражений, как бы не принимаю этого к сведению. Так, например, я прекрасно видел, что Н. способен мало что воспринять; держа руки на подлокотниках, он неудобно вертелся так и сяк, смотрел не на меня, а бессмысленно-ищуще в пустоту, и лицо его казалось таким безучастным, словно ни звуки моей речи, ни даже чувство моего присутствия не проникали к нему. Видя все это болезненное, дающее мне мало надежд поведение, я тем не менее продолжал говорить, как если бы у меня была еще возможность своей речью, своими выгодными предложениями — я сам пугался уступок, на которые шел, хотя их никто не требовал, — все в конце концов привести в равновесие. Известное удовлетворение испытывал я и от того, что агент, как я мельком заметил, наконец оставил свою шляпу в покое и скрестил на груди руки; мои заявления, рассчитанные отчасти на него, нанесли, казалось, его планам чувствительный удар. И на радостях я бы, может быть, еще долго продолжал говорить, если бы сын, которым я до сих пор, как лицом для меня второстепенным, пренебрегал, вдруг не приподнялся с постели и не заставил меня, подняв кулак, замолчать. Он явно хотел еще что-то сказать, что-то показать, но у него не хватило сил. Я принял все это за лихорадочный бред, но вскоре, невольно взглянув на старика Н., понял, в чем дело.

Н. сидел с открытыми, остекленевшими, выпученными, только на миг еще зрячими глазами, наклонившись вперед и дрожа, словно кто-то держал его или бил по затылку, нижняя губа, да и вся нижняя челюсть с широко обнажившейся десной, непослушно отвисла, все лицо как-то распалось; он еще дышал, хотя и тяжело, но потом, как бы освободившись, откинулся к спинке кресла, закрыл глаза, на лице его еще мелькнуло выражение какого-то большого усилия, и затем все кончилось. Я подскочил к нему, схватил безжизненно повисшую, холодную, ужаснувшую меня руку; пульса не было. Итак, все. Кончено, старик. Нам бы умирать не тяжелее. Но сколько всего надо было сейчас сделать! И что в этой спешке прежде всего? Я огляделся, ища помощи; но сын натянул одеяло на голову, слышно было его бесконечное всхлипывание; агент, холодный, как лягушка, засел в своем кресле, в двух шагах напротив Н., явно решив ничего не делать, просто переждать; оставался, значит, я, только я, чтобы что-то сделать, а сейчас сделать самое трудное — каким-то сносным способом, то есть способом, которого не существовало на свете, оповестить жену. И уже я услышал старательные, шаркающие шаги из соседней комнаты.

Она принесла — все еще в уличной одежде, она еще не успела переодеться — согретую на печи ночную рубашку, которую хотела надеть сейчас на мужа.

—Он уснул, — сказала она, улыбнувшись и покачав головой, когда застала у нас такую тишину. И с бесконечной доверчивостью невинного она взяла ту же руку, которую я только что с отвращением и робостью держал в своей, поцеловала ее словно в маленькой брачной игре,

и – каково нам троим было смотреть на это! – Н. пошевелился, громко зевнул, позволил надеть на себя рубашу, с досадливо-ироническим видом выслушал нежные упреки жены за переутомление во время слишком большой прогулки и, чтобы объяснить свою дремоту иначе, сказал, как ни странно, что-то насчет скуки. Затем, дабы не простудиться по дороге в другую комнату, он на время лег в постель к сыну; голова его была уложена у ног сына на две поспешно принесенные женою подушки. После того, что произошло раньше, я уже не нашел в этом ничего особенного. Затем он потребовал вечернюю газету, взял ее, не обращая внимания на гостей, но не читал, а только просматривал, говоря при этом с поразительной деловой проницательностью довольно неприятные вещи о наших предложениях, непрестанно делая пренебрежительные движения свободной рукой и намекая щелканьем языка на скверный запах, который вызывает у него во рту наша манера вести дела. Агент не смог удержаться от того, чтобы не отпустить несколько неуместных замечаний, на свой грубый лад, он, видимо, даже чувствовал, что после случившегося все надо как-то уравновесить, но, конечно, его способ менее всего годился для этого. Я быстро простился, я был почти благодарен агенту; без его присутствия у меня не хватило бы решимости уже уйти.

В передней я еще встретил госпожу Н. При виде ее жалкой фигурки я сказал ей в задумчивости, что она немного напоминает мне мою мать. И поскольку она промолчала, я добавил:

–Что бы ни говорили по этому поводу, она могла творить чудеса. Все, что мы портили, она приводила в порядок. Я потерял ее еще в детстве.

Я нарочно говорил чрезмерно медленно и отчетливо, ибо полагал, что эта старая женщина туга на ухо. Но она была, по-видимому, глуха, ибо спросила без перехода:

–А внешний вид моего мужа?

По нескольким ее прощальным словам я, кстати сказать, понял, что она спутала меня с агентом; мне хотелось думать, что иначе она была бы доверчивее.

Затем я по лестнице сошел вниз. Спускаться оказалось труднее, чем прежде подниматься, а ведь и подъем-то не был легок. Ах, какие бывают неудачные деловые походы, а надо нести свое бремя дальше.